

Автор:

Подвальнов Евгений

учащийся 6 класса

Руководитель:

Селезнева Ольга Александровна

учитель истории

МБОУДОД ЦДОД «Малая академия» г. Краснодара

ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ В ОККУПИРОВАННОМ ГОРОДЕ

Ранним утром 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Весной 1942 г. овладев Крымом, немецкие войска устремились на юго-восток: заняли Донбасс, вышли к Дону. 24 июня пал Ростов-на-Дону – ворота Кавказа. Руководство нацистской Германии придавало огромное значение захвату Кавказа. Ведь Баку и Грозный были основными источниками нефти для всей экономики страны. Кроме нефти в регионе имелись значительные запасы других полезных ископаемых. Также Кубань являлась одним из важнейших зерновых регионов (6).

Битва за Кавказ делится на два этапа: наступление немецких войск (25 июля – 31 декабря 1942 г.) и контрнаступление советских войск (1 января – 9 декабря 1943 г.). План немецкого командования по взятию Кавказа получил название «Эдельвейс» (2). Осуществляя этот план, немецкие войска 2 августа 1942 г. взяли город Сальск, 5 августа – Ворошиловск, а 6 августа 17-я немецкая армия начала наступление на Краснодар (10).

В начале июня в спешном порядке началась эвакуация из Краснодара госпиталей, военных училищ, детских домов, заключенных. Одновременно стали эвакуироваться и жители города. 21 июля 1942 г. партийное руководство Краснодара принимает решение об эвакуации промышленных предприятий, научных учреждений и вузов Краснодара. Из-за отсутствия необходимого

количества вагонов, горожан толком эвакуировать не смогли (15). Так, Елена Алексеевна Ильина, работала на мармеладной фабрике, которая выпускала противотанковые мины. Ей с напарницей «выдали эвакуационные листочки, дали нам паек, но эвакуации не было».

Свободное население отправляли на то, чтобы они рыли противотанковые рвы за городом. Так, Валентина Андреевна Лихопут вспоминает, как одни копали землю, «а другие выкопанную землю уносили, мужики копают кто постарше, а мы выносим куда подальше землю». А Байдала Елена Александровна говорит, что «копали окопы, чтобы по улицам танки не могли проехать. Копали окопы в каждом переулочке, где люди жили, чтобы при бомбежке бежать туда».

С 1 – 2 августа начали закрывать учреждения, магазины, не выпекался хлеб. А с утра 6 августа в городе началось безвластие. Все общественные, государственные объекты уже не охранялись. Начался грабеж заводов, фабрик, магазинов. В Краснодаре были большие запасы продовольствия на складах макаронной фабрики, масложиркомбината, мелькомбината, консервного завода и других предприятий, продукцию просто не успели эвакуировать (15). Байдала Е.А. помнит как после того как мясокомбинат был «распущен, ворота открыли. Животные выскакивали, их брали и тащили до дома, чтоб потом питаться. А кто мясо брал, солью засыпали».

За 5 дней до оккупации начали в спешном порядке создавать отряды для обороны Краснодара из рабочих заводов и фабрик. Это были в основном мужчины непригодные к военной службе и допризывники 24-го года рождения, которые 6 – 7 августа заняли линию обороны на северо-востоке Краснодара. Ополченцы были вооружены только винтовками. Немцы их атаковали с ходу.

На подступах к городу были ожесточенные бои. Особенно упорный бой, продолжавшийся даже после того, как город был занят немцами, велся в районе Пашковской переправы. Здесь, на юго-восточной окраине города, на берегу

Кубани приняли бой новобранцы – старшеклассники школ Краснодара 1924 – 1925 годов рождения (15).

К вечеру 8 августа немцы, смяв нашу линию обороны от Пашковского моста до берега Кубани, западнее Краснодара, прекратили наступление. Части нашей армии отошли в город и всю ночь отступали через мосты Энем, оставляя в городе арьергарды прикрытия. В ночь с 8 на 9 августа наступило затишье. Утром немцы начали наступление по захвату Краснодара. Город занимали пехотные части, мотопехота и даже велопехота, тесня наши арьергарды с востока, севера и запада в направлении мостов. К полуночи немецкие передовые части достигли мостов и заняли оборону от Пашковского моста до западной окраины Краснодара. Таким образом, 9 августа 1942 г. вся территория Краснодара была занята немцами (11). Начался отсчет времени оккупации фашистско-немецкими войсками Краснодара.

Отступая 9 августа 1942 г., наши войска взрывали фабрики и заводы, чтобы немцам ничего не осталось. Всего было взорвано 40 промышленных предприятий (1). Последними были взорваны мосты через реку Кубань (15). Лихопут Вадентина Андреевна работала на масложиркомбинате и была свидетельницей того, как происходило уничтожение этого завода: «Ну, все тащут, все архивы палят и на заводе взорвали баки, баки хранения, знаете их там много, а сейчас еще больше. Ночью это было. Их взорвали, а из баков масло потекло и текло примерно один км».

Люди по-разному пережили начало оккупации. Так, Людмила Порфирьевна Белигора вспоминает, как ее соседка «Ульяна Павловна притащила все свои вещи к ним в квартиру, так как у нее была квартира на углу дома и она считала, что в угол дома бомба попадет раньше, чем в середину. «А сама взяла железную ванну, под нее легла и лежит. Мы говорим: «Что вы делаете?». «Прячусь от бомбы», – отвечала, а если ударит бомба, то не спасет. Но в конечном итоге немцы, наступая, бомбили Краснодар, но не сильно и на

ул. Седина, не доходя до Гоголя, упала бомба, осколок попал в мужчину и его ранило». Увидела немцев вечером 9 августа, когда они ходили по путям и «видим в шортах они, и смеемся, ведь не знали, что такое шорты».

Первое, что сделали немцы – это восстановили радио. Установили точки громкоговорителей даже в тех местах, где радио не было раньше. По радио передавалось одно и то же по 10 раз в день, и кроме этого дублировалось объявлениями, которые расклеивались на перекрестках улиц города. Немецкие приказы сопровождались указанием меры за невыполнение приказа. В большинстве случаев эта мера определялась расстрелом, а за сопротивление властям – повешением (15).

До организации гражданской администрации все вопросы решались военной комендатурой, которая начала действовать с первых же дней оккупации. Затем фашисты приступили к организации в городе административных органов: военного управления, жандармерии и гражданского самоуправления. Были созданы городская и четыре подчиненные ей районные управы (15). Во главе городской управы стоял бургомистр. С 11 августа 1942 г. бургомистром был назначен Воронков М. Он был на этой должности до 9 сентября. В распоряжении ортскоменданта Краснодара капитана Блехшмидта указывалось, что Воронков освобожден от занимаемой должности в связи с тем, что он «за месяц самоотверженной работы на посту бургомистра города в сильной степени подорвал здоровье». <http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusLinez/linez-01-02.htm> - [_edn41#_edn41](#) Ему была выдана безвозвратная ссуда в 10 тысяч рублей «на лечение и отдых». Воронкова сменил Ляшенко С., а с 8 декабря 1942 г. бургомистром Краснодара стал Смыков В. (8).

Вводился институт участковых старост в количестве из расчета один староста в среднем на 3000 человек. Эти старосты содержались за счет местного населения. С каждого человека, достигшего 14 и старше лет, собирали

по 1 руб. в месяц, а с 1943 г.– по 12 руб. в месяц. Участковые старосты подчинялись бургомистрам соответствующих районных управ.

Охрана правопорядка на улицах города производилась патрулями – солдатами и полицейскими круглосуточно на всей территории города. В их обязанности входило: проверка документов, особенно в ночное время, задержание, поимка воров, хулиганов, при обращении к ним пострадавших граждан, и доставка в полицию (15).

Первую неделю оккупации и не меньше месяца перед отступлением солдаты мародерствовали. По воспоминаниям Евфалии Павловны Чикиной «Немцы сновали из дома в дом. Растерянные хозяева открывали свои шкафы, а они забирали все, что им нужно, вплоть до электрических лампочек» (14). А Валентина Андреевна Лихопут утверждает, что «немцы были хорошими, хоть и немцы, они нечего не трогали, а румыны, как цыгане все потрогали». Мародерствовали и наши, притворяясь немцами. Так, Людмила Порфирьевна Белигора вспоминает как «один мужчина приходил, лазил по шкафам, а мама то, что можно убрала. Он каверкал язык, а ему мужские вещи наверно нужны, и увидел он в шкафу, знаете косоворотку. Говорил, что он из «камендатур». Я говорю ему: «Знаешь ты, что это, не придуривайся. Не коверкай язык, говори по-русски, я ведь немецкий изучала». Ну и такие были».

Солдат и офицеров немецкой армии размещали на постой к местным жителям. Так Ильина Е.А. вспоминает, что «нас предупреждали, что немцы будут издеваться. Ну вот, когда поставили немцев к нам, мы оделись как будто мы сорванцы. Ну, теперь эти немцы встали у нас, смотрят на нас и говорят: «Швайн, швайн, свинья», мол, ну что мы так нарядились, как не знаю кто. Немцы поняли и говорят, что «эсэсовцев надо бояться, а мы вас не тронем». Ну, значит, успокоились, сажу поснимали с лица, мамины старые платья поснимали, ну значит одели свою одежду. Потом они во дворе палатки поставили, и вот у нас сады были и они пушку поставили. Дальнобойные

пушки, это как раз на Новороссийск, и стреляли на дорогу на Новороссийск. У них и мангал был, и они нам предлагали, но мама брезговала, только тушенку брали. Немцы вообще не трогали нас. Я помню, взяла учебник, а там Сталин и Ленин, ну вожди наши. А учебник был по немецкому и тут немец заходит. Я хочу лист вырвать, а он немного по-русски говорит, и он сказал мне, что неправильно листы вырывать, что учебник свято надо хранить и что учеба главное для меня должна быть. Их потом отправили, и пришла другая часть и те, которые пришли, сказали, что бывшие ребята погибли у Новороссийска. И с ними тоже нормально было жить. Они недолго были, их тоже забрали».

Светлана Александровна Рудченко вспоминает, что к ним «на квартиру поселили немца, который работал переводчиком в штабе. Он происходил, кажется, из поволжских немцев, родился в России и поэтому хорошо знал русский язык, но, когда ему исполнилось пять лет, его семья эмигрировала в Германию. До войны он был преподавателем русского языка в Германии. Относился он к нам с сочувствием, помогал чем мог: приносил дрова, хлеб, печенье, конфеты, а когда на Рождество поехал в Германию, то привез мне рождественский подарок: подсвечник со свечей и печенье разных вкусов. В Германии у него была семья, о которой он очень много рассказывал, и я напоминала ему его дочь».

К Белигоре Л.П. тоже хотели поставить немца на постой, но «он открывает дверь и видит - Вова (сын, которому было месяца 2) плачет, животик у него болит наверное», и не стали, а вот к ее соседке по коммунальной квартире Ульяне Павловне «на пост поставили 2-х немцев и ночью стучали они, что бы двери открыла. Она их ругала, как могла ругала, такие сякие и один из немцев не выдержал и сказал: «Мамка, ты их не ругай, гестаповец опасно».

А вот на постой к Елене Андреевны Байдала попал поляк пан Шницкий «он написал на калитке «пан Шницкий», так все боялись подходить к дому. Он у нас жил и без конца искал пистолет. А у немцев были ручки, а у нас нет. И

вот пропала у него ручка, а у меня есть младшая сестра на 10 лет меньше меня, и он на нее нацелился пистолетом и говорит: «Алла украла ручку». Она как разрыдалась, под кровать залезла и не вылазила месяц где-то из-под кровати. Мы кормили ее там и все страшно переживали».

В декабре 1942 года по указанию оккупационных властей и зам. бургомистра Краснодара В.Н.Петрова районные управы составили три списка жителей города. В списке № 1 регистрировали тех, кто проживал в городе с довоенного периода (за исключением коммунистов, евреев, партизан, красноармейцев и других «политически неблагонадежных»). В список № 2 включались поселившиеся в Краснодаре после начала войны, но опять же за исключением «неблагонадежных», которые учитывались вместе с членами их семей в особом, третьем, списке. Этот список не оглашался. Занесенные в него люди подлежали последующему аресту и уничтожению. Этим занималась зондеркоманда СС-10А4. Подвалы гестапо были забиты заключенными: попавшие в плен командиры, евреи, политработники, советские патриоты. Отсюда людей вывозили на расстрел, грузили в душегубки (16).

Отдельная акция была проведена по отношению к евреям. После регистрации им предложили явиться на сборный пункт на углу Седина и Орджоникидзе (там располагалось гестапо), якобы для переселения их в отдельные кварталы. Явившихся людей посадили в автомашины, увезли в район Первомайской рощи и там расстреляли. На следующий день расстреляли тех, кто в списках значился, но на сборы не явился. За два дня фашисты уничтожили свыше 1000 человек (9).

Расстреливали не публично. А вот вешали публично, и трупы висели по несколько дней с табличкой на груди – такой-то приговорен к смертной казни через повешение за какое-то преступление против оккупационной власти (15). Так, Байдала Е.А. вспоминает, что «на рынке висел человек с трафареткой и

написано было на ней «Я вор, я воровал» и возле этого повешенного лежала собачка. Сколько висел человек, столько лежала собачка и никуда не уходила».

Люди, имеющие родственников коммунистов, комсомольцев или тех, которые были на фронте в Красной армии, рисковали больше всех своей жизнью. Людмила Порфирьевна Белигора рисковала, так как была комсомолкой, а ее папа был коммунистом и красноармейцем. Таких людей забирали в гестапо: «Был у нас сосед Костыленко, и он грозил мне, что расскажет, что я комсомолка была. Может быть, если сказал бы он, то я в гестапо была бы, а так он мне все угрожал».

Все лица с 16 лет, проживающие в городе, должны были иметь удостоверения личности от старосты по месту их проживания. Староста отвечал своей головой за каждое удостоверение. Это удостоверение не получали те, у кого был советский паспорт, в который вносилась специальная отметка на немецком и русском языках. Людмила Порфирьевна Белигора вспоминает, «что на всех заборах в Краснодаре везде абсолютно были объявления, чтобы ходили с паспортами. Чтобы обязательно были паспорта, что ты местный. Если не местный, со станицы, то тогда при немцах отдел труда был и все должны были на учет встать. Я и мама не встали, был тогда дурной характер, не слушаться».

В городе периодически проходили облавы незарегистрированного на бирже труда населения. Установлен факт, что 16 января 1943 г. в городе произошла массовая облава населения, в результате которой погибло до 800 человек. Во время этой акции погиб командир подпольной группы Володя Головатый (10), именем которого названа одна из улиц Краснодара.

В одну из таких облав попала Людмила Порфирьевна Белигора: «как-то на рынок я пошла за картошкой, взяла и купила картошки и тут кто-то крикнул: «ОБЛАВА!». Ну, я знала, что такое облава. Это с паспортом в одну сторону, без паспорта в другую, и тех, кто без паспорта их сажали в машину и увозили за

город. Там, за городом, противотанковые ямы и в эти ямы сбрасывали уже мертвых людей. Я услышала это слово и быстро с рынка. Только я шаг, и немец выходит с винтовкой. Молодой, может он меня отпустил, потому что я была в положении, ребенка ждала. Пришла я домой, маме ничего не сказала, чтоб не расстраивать».

У Валентины Андреевны Лихопут «сестра и тетя попали в эту облаву, и один полицейский сказал: «Уходите отсюда подальше, и больше не появляйтесь». У Елены Александровны Байдала в облаву на рынке попала соседка тетя Дуся, так «она забегает в парикмахерскую на рынке и кричит: «Брейте мне что-нибудь». Так она в парикмахерской и спаслась». У Светланы Александровны Рудченко в облаву попала мамина сестра: «всех людей, которых должны были уничтожить, согнали во двор школы № 2, тогда она была на углу Ленина и Красноармейской (сейчас это Архитектурно-строительный техникум), а потом поместили в душегубки и увезли. Она знала немецкий язык и обратилась к немецкому офицеру на нем, попросила, чтоб ее отпустили, так как дома у нее был маленький ребенок, на что немец ответил: «Вес!», то есть, «Иди!». Так знание немецкого языка спасло ей жизнь».

От облавы спасались то те, кто работал на немцев. Так, Криживецкий Р.Н., который работал токарем в железнодорожном депо, вспоминает «В депо мне дали справку, что я работаю, она меня выручала при облавах на базаре» (14).

Облавы чаще всего проводились на рынке, ведь именно там скапливалось большое количество людей. Из воспоминаний Поляковой А.В.: «Люди стали выходить на рынки, надо было как-то питаться. Многих немцы забирали с базаров и прилегающих кварталов, гнали за город, там расстреливали и закапывали в рвы» (14).

С продуктами было очень туго. Многие жители города, в том числе и семьи Елены Александровны Байдала и Валентины Андреевны Лихопуд, во время отступления наших войск запаслись продуктами из магазинов, за счет

этого и выжили. А вот мама Людмилы Порфирьевны Белигоры «ездила по станциям, ходила не одна конечно, собирались группы, и она все меняла, чтобы прокормить нас». Кто-то из жителей города работал на немцев, что бы прокормить семью. Так, мать Энгельгард Галины Федоровны работала в столовой у немцев, чтобы прокормить дочь. Однако все женщины, с которыми я общался, помнят чувство голода.

В городе была организована работа многих предприятий, кинотеатров, восстанавливались заводы, фабрики, строились мосты, начались хотя и незначительные перевозки населения железнодорожным транспортом (15). По воспоминаниям Криживецкого Р.Н. «выходила газета «Кубань», редактировал ее Иванов, бывший преподаватель немецкого языка» (14).

Осенью 1942 года в Краснодаре начало работать бюро труда по отбору граждан в возрасте от 17 до 40 лет, «добровольно» желающих уехать на промышленные предприятия Германии. Первый эшелон с 1100 «добровольцами» отбыл с краснодарского вокзала в декабре того же года. А всего за период оккупации с территории Краснодарского края на работы в Германию насильно были угнаны 130 521 человек, из них 81 089 – женщины, 38 022 – дети в возрасте до 16 лет (1).

С августа 1942-го в кубанской столице появились длинные серые машины. Жители, проживавшие по соседству с гестапо (а через них и все местное население), узнали о назначении крытых темно-серых грузовиков, которые еще осенью по несколько раз в неделю, а в январе 1943 г. по два-три раза в день, совершали рейсы в район ЗИП. Страшное предназначение этих машин фашисты долго пытались удержать в строгой тайне. Крытый шестисеми тонный грузовик с дизельным двигателем был обит внутри железом и снабжен в задней части кузова двустворчатой герметически закрывающейся дверью. На полу имелась решетка, через которую по специальной трубе в кузов поступали отработанные газы, содержащие окись углерода высокой

концентрации. Запертые в машине люди задохнулись. При посадке фашисты раздевали жертв, заявляя им, что везут в баню, а вещи оставляют для дезинфекции. В машину загружали одновременно до 60 – 80 человек. Погрузкой обычно руководил заместитель шефа гестапо, он же начальник тюрьмы, капитан Раббе. Простояв несколько минут во дворе гестапо, машина направлялась к противотанковому рву. Эти машины смерти нацисты впервые опробовали на краснодарцах (14).

Первыми жертвами душегубок в Краснодаре стали пациенты психиатрической больницы (по другим источникам – городской больницы № 3). А всего за период оккупации Краснодара в душегубках было уничтожено около 7000 человек, в том числе и дети (1).

Из рассказа Людмилы Порфирьевны Белигора я узнал, что один человек из душегубки спасся: «он в душегубке дышал мокрым платком, он его смочил мочей, притворился мертвым, его так же выбросили в яму, а как вернулся, он рассказал». А Валентина Андреевна Лихопут рассказала, как ее сосед попал в облаву, а потом и в душегубку «и с ним был старик. Он соседу сказал, что бы тот пописал в платок и дышал им, а когда приедут пусть он притворится мертвым. Он вернулся седой».

За 186 дней фашистской оккупации в Краснодаре мученической смертью погибло около 13 000 жителей города. Кроме этого было разрушено 161 предприятие, 3 театра, 17 школ, 5 институтов, 3 гостиницы, 4 больницы, городской водопровод, электростанция и др. В руинах лежали заводы им. Седина и Калинина, «Октябрь», нефтеперегонный, мельницы и хлебозаводы, шорно-седельная фабрика. Было разрушено и сожжено 807 зданий, в том числе производственных, общественных, культурно-просветительных, жилых. Советское правительство включило Краснодар в число 15 городов, наиболее пострадавших от вражеского нашествия и подлежащих первоочередному восстановлению (1).

9 февраля начались бои на подступах к Краснодару за его освобождение. Саперы под обстрелом врага, стоя по пояс в ледяной воде, строили переправы через Кубань. Удалось им и незаметно перебраться на другую сторону реки, захватить там лодки и паром. Первые группы пехотинцев, преодолев реку ночью, создали плацдарм и обеспечили 10 февраля переправу войск. В ночь на 12 февраля в город ворвались бойцы Советской армии, а утром наступившего дня красное знамя развевалось в центре города: на углу улиц Красной и Гимназической. Краснодар стал снова свободным (17).

Людмила Порфирьевна Белигора вспоминает, что «когда наши заходили ночью пешком, немцы на машинах, а наши пешком, ободренные усталые такие шли с повозками, и их встречали, все радовались».

Город лежал в руинах. На улице Красной (центральная улица) практически не осталось ни одного целого здания. За 6 месяцев оккупации было уничтожено 96 промышленных предприятий, взорвано и сожжено 420 культурных административных и жилых зданий. В развалины превращены фабрики, заводы, школы, театры, больницы (4). Большие беды и несчастья принесла оккупация местным жителям Краснодара. Только в душегубках было умерщвлено 7 тысяч человек, а всего за полгода погибло насильственной смертью 13 тысяч человек. В боях за Краснодар погибли (или умерли от ран) 4250 человек. Погибли они в разное время и в разных местах. По всему городу были разбросаны воинские могилы. Жертвами фашистского террора в Краснодарском крае стали 61540 человек. Одних расстреляли или повесили, других отравили в душегубках или замучили в застенках гестапо. Почти 32 тысячи молодых краснодарцев угнали гитлеровцы на каторгу в Германию (13).

Народ наш помнит и чтит память тех, кто погиб, защищая свою страну. В Краснодаре много памятников, посвященных Великой Отечественной войне. У Всесвятского кладбища на площади имени героев горит вечный огонь. Именами героев войны названы улицы города.

Мне очень бы хотелось, чтобы все люди помнили историю и извлекали из нее необходимые уроки, если это будет так на самом деле, то фашизм никогда не повторится.

Список литературы:

1. Галацан Н. Цена победы. // <http://www.ki-gazeta.ru/rubrics/12/27058.html>
2. Гречко А. А. Битва за Кавказ. Советская военная энциклопедия. М.: Министерство обороны СССР, 1969
3. Депутаты просят присвоить Краснодару звание «Город воинской славы» /Общество/ Лента новостей «РИА Новости»: <http://ria.ru/society/20111026/471453733.html>
4. Екатеринодар – Краснодар 1793 – 1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы и летописи. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1993
5. Кирсанов Д. Восставший из пепла. // Рассвет. 2001. 2 августа
6. Кирюшин С.Ю., Малукало А.Н., Сень Д.В. История Кубани с древнейших времен до наших дней. Краснодар: Кубанькино, 2004
7. Краснодар достоин стать «Городом воинской славы». / Архив / Газета «Краснодарские известия»: <http://www.ki-gazeta.ru/rubrics/archiv/2011/2/15/33388.html>
8. Линец С.И. Структура немецкой оккупационной власти на Северном Кавказе в 1942 – 1943 гг.: замыслы, реальность, итоги: <http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusLinez/linez-01-02.htm>
9. Милиди Р.С. Черные дни и ночи Краснодара. Забвению не подлежит. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2003.

10. Остапченко С., Сивков С., Некипелов И. К 55-летию освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков. // Краснодар. 1998. 6 ноября
11. Перов С. Оккупация памяти». // Кубанские новости.1998. 12 февраля
12. Протасов З. Нажимом с фронта и угрозой окружения...// Кубанские новости. 1997. 13 февраля
13. Рослый И.П. Битва за Краснодар. // Кубань. 1983. №2
14. Самусь Т. В неволе. Оккупация глазами очевидцев. // Родная Кубань. 2003. № 1
15. Стебловский М. Оккупация г. Краснодара с 09.09.1942 по 12.02.1943гг. // Кубанские новости. 2004. 23 января
16. Ткачева Л. Никто не забыт. И зондеркоманда СС-10.А тоже. // Краснодарские Известия.1995. 17 февраля
17. Филимонов В. Штурм города. // Кубанские известия. 1995. 11 февраля.